

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОНЦЕПТА «ТРАГЕДИЯ»
В ФИЛОСОФСКИХ СОЧИНЕНИЯХ М. ХАЙДЕГГЕРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-311-00123
«Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера:
философско-компаративный анализ»

В рамках данного исследования проводится сопоставительный анализ оригинальной философской терминологии выдающегося немецкого философа Мартина Хайдеггера и общепринятого перевода его текстов на русский язык. В качестве примера приводится одно из фундаментальных понятий для поздней хайдеггеровской философии *Tragödie* – ‘трагедия’. Автором статьи обосновывается специфика, сопутствующая употреблению данного языкового эквивалента понятию *Tragödie* в русском языке. Особое внимание уделяется культурно-философскому контексту, учитывающему нюансы этимологии слова и последующую трансформацию его смысла в контексте оригинальной языковой системы, сконструированной философом на основе немецкого языка. Автор приходит к выводу, что использование в русском языке слова ‘трагедия’ при переводе концепта *Tragödie* целесообразно лишь при прояснении философских представлений Хайдеггера о соотношении феномена поэзии и языка в целом.

Философское наследие выдающегося немецкого мыслителя прошлого столетия Мартина Хайдеггера (1927–1976) не только имеет основополагающее значение для современной лингвофилософии, но также вносит существенный вклад в развитие теории перевода. Свои научные труды и лекционные курсы для студентов философ разрабатывал на немецком языке, обогатив его при этом принципиально новым категориальным аппаратом и сконструировав на базе повседневного немецкого языка особую терминологическую систему. Интерпретация оригинального хайдеггеровского языка ставит серьезную задачу перед исследователями его творчества и переводчиками его работ на другие языки. Данный вопрос также возникает у представителей немецких философских школ, так как своеобразие философского языка Хайдеггера заключается в наделении обычных слов принципиально новым значением, а порой и образовании их новой формы. Особая актуальность лингвофилософского анализа специфических текстов Хайдеггера обусловлена расширением влияния идей немецкого философа на многие отрасли современного научного знания, смежных с философией языка, в том числе на теорию перевода. Оригинальный язык Хайдеггера требует особой тщательности при употреблении его понятий в научных исследованиях и предполагает поиск новых интерпретационных возможностей в отношении его интеллектуального наследия. В данной связи обращение к методам контрастивной лингвистики позволяет выделить исходные данные и значения слов [1, с. 12] при переводе своеобразной хайдеггеровской терминологии на русский язык. Для поставленной проблемы предлагается провести сопоставительный анализ специфического хайдеггеровского понятия *Tragödie* –

‘трагедия’ в контексте двух разных языковых систем: русского языка и оригинального языка философии Хайдеггера. Верная интерпретация и адекватность перевода на русский язык данного понятия во многом способствуют формированию подлинной картины поздней философии Хайдеггера и позволяют избежать искажений в интерпретации его философской мысли.

В целях раскрытия сущности исследуемого понятия следует отметить, что значительное влияние на формирование философской концепции Хайдеггера оказала древнегреческая философская традиция. В частности, это касается философско-религиозных взглядов древних греков на природу «трагедии». В современном новогреческом языке слово *τραγῳδία* при переводе означает ‘стихотворное произведение для пения’ [2, с. 753], что указывает на утрату этим понятием своего сакрального значения, изначально заложенного в него в античные времена. Оригинальное древнегреческое слово *τραγῳδία* состояло из двух слов: *τράγος* – ‘козел’ и *ὠδή* – ‘песня’. Таким образом, в древнегреческом значении, трагедия как «пение козлов» изначально представляла собой воспевание сатирами страданий бога Диониса и несла в себе глубоко сакральный смысл [3, с. 18]. Хайдеггер, сохраняя определенную преемственность древнегреческой философской мысли, рассматривал «трагедию» в качестве «поющего сказа» [4, с. 272]. «Поющий сказ» в представлении Хайдеггера является воспеванием или восхвалением некоего объекта в песне, тем самым способствуя обретению им собственной идентичности и своего места в мире. Немецкий философ уделял значительное внимание сопоставлению пения и восхваления, считая их по своей сути аналогичными понятиями: «петь – значит восхвалять и охранять объект восхваления в песне» [5, р. 187]. Особый акцент здесь поставлен на специфике перевода немецкого слова *Lieder* – ‘песни’. Хайдеггер подчеркивает, что своими корнями это слово восходит к латинскому понятию *laudes* – ‘хваления’: «Говорить такие хваления и значит: петь» [5, р. 187]. Французский мыслитель Ж. Деррида, являющийся последователем лингвофилософских идей Хайдеггера, в своих размышлениях о хайдеггеровской философии отмечает особый путь, прокладываемый немецким мыслителем от обыденной речи к восхвалению. Схематично он описывает этот путь ведущим от «речи к сказу, от сказа к поэтическому говорению, от поэзии к песне, от песни к гимну и, в итоге, к восхвалению» [6, р. 128]. Подобная иерархия позволяет проследить трансформацию формы языка от его обыденного состояния – повседневной речи до высшего уровня его проявления – восхваления. Следует отметить, что все звенья этой цепочки обладают взаимосвязью и составляют феномен языка в целом. Закономерно возникает вопрос: какое же место в данной языковой структуре отводится *трагедии*?

Хайдеггер пришел к установлению значимого онтологического статуса «трагедии» через знакомство с литературным творчеством выдающегося немецкого поэта Ф. Гёльдерлина. Особое внимание, уделенное Гёльдерлином трагедии Софокла «Антигона», не могло остаться незамеченным Хайдеггером [7, р. 207–208]. Поэт рассматривал это произведение с точки зрения

гегельянской концепции трагедии, согласно которой в центре философского анализа находится противопоставление древнегреческого «икоса» (родового закона) и «полиса» (государственного права), а также конфликт между божественным и человеческим началом. Однако для Хайдеггера «задать вопрос о том, что подразумевается под трагедией, значит спросить не только о том, чему нас учат трагедии Софокла или Шекспира, но выявить, какую ценность несет в себе эта античная форма культуры в наше время» [8, р. 1]. Значимость древнегреческой трагедии для современного поэта не определяется тем, что поэт, проникнувшись ей, сможет прийти к истокам этой трагедии. Ее ценность заключается в следующем: сопоставив при переводе древнегреческий язык со своим родным, поэт способен существенно обогатить последний. Однако здесь перед поэтом встает другая существенная проблема, связанная с возможностью перевода текста древнегреческой трагедии. Вопрос главным образом заключается в следующем: существуют ли в современных языках адекватные языковые эквиваленты, выражающие вложенную в древнегреческие слова глубину и передающие этот жизненный опыт?

В своем лекционном курсе 1942 года, посвященному гимну Гёльдерлина *Der Ister* (сочиненным поэтом в 1854 г.), Хайдеггер озвучил перед студентами такое суждение: «Скажи мне, что ты думаешь о переводе, и я скажу тебе, кто ты» [9, р. 63]. Отличительной чертой философских сочинений Хайдеггера является его специфический подход к переводу слов с других языков, в особенности с древнегреческого. Немецкий мыслитель отрицает устоявшиеся значения при переводе, даже когда они являются лингвистически адекватным. Например, он пишет: «Когда мы переводим *εἶναι* через “быть”, то этот перевод лингвистически верен. Мы тут, однако, лишь заменяем одно словесное звучание другим. Проверая себя, мы быстро обнаруживаем, что ни *εἶναι* не мыслим по-гречески, ни, соответственно, ясного и однозначного определения этого “быть” не имеем» [4, с. 32]. Следовательно, согласно Хайдеггеру, не вникая при переводе слова в его истинное значение, а лишь передавая его звучание на другом языке, мы по факту ничего не говорим в содержательном плане и являемся «просто носителями величайшего безмыслия» [Там же, с. 33]. Особое внимание Хайдеггер уделяет статусу словарей в процессе перевода. Философ утверждает: «“Словарь” может лишь подсказать нам, как понимать слово, но он никогда не является единственным основанием, устанавливающим заранее некие рамки. Обращение к словарю всегда остается лишь обращением к одной из интерпретаций, которая <...> обычно вообще не может быть четко понята. Разумеется, если мы рассматриваем язык просто как проводника, то словарь, оформленный строго в соответствии с техникой коммуникации и обмена, является “исправным” и обязывающим “без дальнейших церемоний”. С другой стороны, рассматривая исторический дух языка в целом, в каждом словаре отсутствуют какие-либо непосредственные или обязательные стандарты соответствия» [9, р. 62]. Таким образом, только вдумчивое осмысление древнегреческого «исторического духа языка в целом» позволяет перевод-

чику обнаружить верный перевод слов с одного языка на другой. Слова на языке перевода, в свою очередь, обретут подлинный смысл, если переводчик не просто воспользуется словарем, но переосмыслит смысловой контент с разных языковых ракурсов. Данное утверждение является опорной точкой в рассуждениях Хайдеггера, когда он обосновывает значимость таких компонентов языка, как молчание и слушание, или превозносит вдумчивую поэтическую речь над обыденным языком. В данной связи не случайно, что практически на каждой странице философских работ Хайдеггера присутствует его собственная интерпретация какого-либо значимого латинского или древнегреческого термина с тщательным разбором его смысловой составляющей на родном для него немецком языке.

Несмотря на то, что в своих философских сочинениях Хайдеггер нигде не излагает целостной теории о том, что трагедия из себя представляет, для него размышления о трагедии являются опорной точкой выражения собственного мировоззрения. Данное предположение следует из того, каким смысловым содержанием немецкий философ наделял данное понятие. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо указать, что трагедия, являясь истоком поэзии в современном понимании этого слова [10, с. 247], тесно взаимосвязана с представлениями Хайдеггера о языке в целом. Знаменитый афоризм немецкого философа гласит: «Язык есть дом бытия». Хайдеггер акцентирует внимание на том, что: «В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [4, с. 192]. Учитывая статус поэзии как чистого языка, трагедия приобретает фундаментальное значение в размышлениях Хайдеггера о бытии. Если представить язык в качестве «дома бытия», то в это «жилище» человек может «войти» именно через трагедию, как основание чистого языка. Здесь важно отметить, что онтологическая установка понятия «жилище» значительно отличается от повседневных представлений об этом слове как о физическом месте проживания. «Войти в жилище» значить обнаружить свое присутствие в мире с другими сущими, обретающимися в бытии. Трагическая поэзия, благодаря своей глубокой сакральной сущности, способна раскрыть для человека его бытие-в-мире и обеспечить совместное существование людей в едином бытийственном пространстве. Будучи изначально сокрытым, такое «жилище» требует особого контекста своего раскрытия, достигаемого именно в рамках трагедии. Например, Хайдеггер пишет, что: «Трагедии Софокла, если вообще подобное сравнение допустимо, с большей близостью к истокам хранят “этос” в своем поэтическом слове, чем лекции Аристотеля по “этике”» [Там же, с. 215]. В данном рассуждении древнегреческое слово ἦθος – ‘этос’ означает местопребывание человека в бытии, иначе говоря – в его «жилище». Тем не менее, вышеизложенный подход не умоляет значения важности этического учения Аристотеля перед трагической поэзией Софокла. Этические сочинения Аристотеля обладают непосредственной близостью с предфилософскими

представлениями в «трагедии» о сущности человеческого «жилища» [11, р. 164]. Таким образом, особый онтологический статус хайдеггеровского концепта «трагедия» как истока чистого языка обуславливает необходимость проведенной лингвофилософской реконструкции представлений немецкого мыслителя о смысловом содержании рассматриваемого понятия.

В заключении данного исследования важно отметить, что перевод концепта *Tragödie* – ‘трагедия’ в контексте философии языка Хайдеггера целесообразно проводить с предварительным прояснением специфики употребления данного слова немецким мыслителем в его философских сочинениях. Сформированный Хайдеггером оригинальный язык позволяет более углубленно анализировать смысловой контент слов современных языков, однако он требует особой тщательности в расшифровке заложенного в него содержания. Таким образом, перевод специфической хайдеггеровской терминологии наиболее продуктивен в плане сопоставления отдельных языковых единиц в контексте их культурного происхождения и философского контекста их употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер, А. Д. Теория перевода и контрастивная лингвистика / А. Д. Швейцер // Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М. : Издательская группа URSS, 2012. – 216 с.
2. Хориков, И. П. Новогреческий-русский словарь: Около 67000 слов / И. П. Хориков, М. Г. Малев ; под ред. П. Пердикиса, Т. Пападопулоса. – М. : «Русский язык», 1980. – 853 с.
3. Федотова, Е. Ю. Онтологическая сущность поэзии в философии Мартина Хайдеггера / Е. Ю. Федотова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2016. – № 3 (33) – С. 15–22.
4. Хайдеггер, М. Время и Бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
5. Heidegger, M. On the Way to Language / M. Heidegger. – San Francisco: HarperOne, 1982. – 208 p.
6. Derrida, J. Of Spirit: Heidegger and the Question / J. Derrida. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 148 p.
7. Young, J. The Philosophy of Tragedy: From Plato to Žižek / J. Young. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013. – 294 p.
8. Billings, J. Tragedy and the Idea of Modernity / J. Billings, M. Leonard. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 354 p.
9. Heidegger, M. Hölderlin's Hymn "The Ister" / M. Heidegger. – Bloomington: Indiana University Press, 1996. – 185 p.
10. Чернова, Я. С. Трагедия как исток поэтической речи в философии М. Хайдеггера и П. Рикера / Я. С. Чернова, Е. Ю. Талалаева // Грамота, 2017. № 12(86): в 5 ч. – Ч. 5. – С. 246–249.
11. Sparks, S. Philosophy and tragedy / S. Sparks, M. de Beistegui. – London: Routledge, 2005. – 256 p.

The paper presents a comparative analysis of the original philosophical concept *Tragödie* of Heidegger's specific language system and its equivalent in Russian 'трагедия'. The author

comes to the conclusion that the use of the word ‘трагедия’ in the Russian language when translating the researched concept is justified only when clarifying Heidegger's philosophical views regarding the phenomena of poetry and language as a whole.

Т. А. Бритвич (Минск, МГЛУ)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНСКИХ КОМИКСОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В данной статье рассматриваются особенности перевода американских комиксов на русский язык на двух уровнях: техническом и лексико-семантическом. В рамках технического уровня разъясняется важность сохранения графических манипуляций со шрифтом при переводе, а также влияние на перевод таких структурных компонентов комикса, как текстовые пузыри и звуковые эффекты. В рамках лексико-семантического уровня рассматриваются трудности перевода распространенных в текстах комиксов реалий американского быта, а также диалектизмов и каламбуров.

За последнее десятилетие в странах СНГ, включая Беларусь, начал набирать все большую популярность такой вид художественных произведений, как американские комиксы. Их перевод имеет ряд определенных особенностей, вытекающих из структуры комиксов, представляющей по своей сути симбиоз вербальных и изобразительных средств. В данной статье мы рассмотрим особенности перевода американских комиксов на двух уровнях, а именно техническом и лексико-семантическом, в рамках каждого из которых нами выделены три элемента, с которыми переводчик имеет дело.

Работая с комиксами на техническом уровне, переводчик должен обращать внимание не только на текст, т.е. на то, что написано, но также и на то, как это написано. Важно учитывать, что одним из проявлений симбиоза вербальных и изобразительных средств на страницах комиксов является возможность использовать манипуляции с графическим выражением письменного текста, а именно со шрифтом для подчеркивания мысли высказывания и придания ему дополнительных оттенков.

Наиболее распространенным средством манипуляций со шрифтом является изменение насыщенности шрифта. Придание ему большей насыщенности или, другими словами, использование жирного шрифта в основном применяется для акцентирования, т.е. выделения отдельной мысли в речи героя. При этом выделяться могут не только слова или словосочетания, но и части слов. Приведем пример из серии “Vote Loki” ‘За Локи’, повествующей о том, как скандинавский бог Локи решил принять участие в выборах президента США: *Believe* ‘Доверьтесь’. Пример иллюстрирует, как в лозунге, призывающем верить в кандидата и голосовать за него на президентских выборах в США, выделена часть *lie*, которая раскрывает сущность кандидата, являющегося скандинавским богом хитрости и обмана, и указывает, что его предвыборная кампания на самом деле построена на ереси и лжи.